

Был такой случай

Ганнибал оказывал знаки отвратительного нерасположения

9 июня 1826 года в славном городе Вологодской губернии Сольвычегодске ссыльный подполковник Павел Ганнибал попросил у городничего Соколова «заимообразно сто рублей». Что же сделал Соколов? Дал займы ссыльному? Нет, разумеется. Городничий Соколов как благонамеренный чиновник, побегал домой и написал донос вологодскому губернатору. В доносе по поводу этих ста рублей указывал: «Боясь в чем-либо преступить волю Правительства, а особливо высочайшего всемилостивейшего Государя Императора, в том ему отказал».

Да, беспокойная жизнь пошла у городничего Соколова после того, как в Сольвычегодск прибыл ссыльный Павел Исаакович Ганнибал. Был Ганнибал в свое время уважаемой персоной, храбро воевал в 1812 году с Наполеоном, дослужился до подполковника, имел поместье в Псковской губернии. А потом пошло-поехало... Заложил поместье, загулял, скандалил, позволял себе разные выходки. И был арестован «за буйство и дерзкие поступки». И отправлен в ссылку — в Вологодскую губернию. Но еще по пути в Вологду «оказывал беспокойный характер». Из Вологды его отправили еще дальше в Сольвычегодск, причем вологодский губернатор в секретной депеше городничему Соколову указывал: «Рекомендую вам... о поведении его доносить». Так что Соколов

просто-напросто честно выполнял свой служебный долг. Разве лишь иногда переусердствовал.

Вряд ли он был поклонником русской словесности. И вряд ли его интересовало, что у ссыльного подполковника есть племянник Александр Пушкин, который своими стихами уже «прошумел на всю Россию». А Пушкин очень интересовался своим родом по линии матери — Ганнибалами. Особенно прадедом — Абрамом Ганнибалом, «карапом Петра Великого», бывшим любимцем императора, генералом и, как показывают современные исследователи, выдающимся военным инженером. Гордился поэт и двоюродным дедом Иваном Ганнибалом, героем Наваринского сражения и основателем города Херсона. А вот Павел Ганнибал, дядюшка Пушкина, прославился своими буйствами. Впрочем, Пушкин к нему тоже хорошо относился. Приезжал к нему как-то в усадьбу, но там на балу чуть не вышел конфуз. Оба любители прекрасного пола, Пушкин и Ганнибал поссорились из-за местной девицы. Лошаковой, и племянник вызвал дядюшку на дуэль. Но Ганнибал не пожелал стать Дантесом, все обратил в шутку, и «Пушкин тут же, при публике бросился ему в объятия». На том и помирились... И Пушкин к этому времени тоже пережил опалу. Ничего этого городничий Соколов не ведал, и не волновало это его совсем. А вол-

новало то, что ссыльный Ганнибал в Сольвычегодске по отношению к его именитым людям «оказывал некоторые знаки своего отвратительного нерасположения». Не нравились ему именитые сольвычегодцы. Вот, к примеру, такой «знак». Идут по улице солидные местные купцы, честь и слава города. И вдруг по ним из дома, где поселился ссыльный подполковник — пушечный выстрел. Правда, из миноятурной пушки и холостой. Но все равно — Ганнибал хочет, а купцы в панике. И нет на него управы... И пьет, и скандалит.

И взмолился бедный городничий Соколов в доносах вологодскому губернатору — уберите этого смутьяна, — куда угодно, только переведите.

И бедного Ганнибала «перевели» на Соловки. И держали две недели взаперти в темном чулане. И пробыл он на Соловках шесть лет. И лишь в 1832 году был освобожден. Так-то, не пали из пушки по купцам и не оказывай «отвратительные знаки».

Мне уже об этом приходилось писать, и хочу добавить, что через много лет, в 1910—1911 годах в Сольвычегодске побывал тоже очень беспокойный ссыльный. Иосиф Джугашвили. Тоже дерзил, скандалил. И однажды из Сольвычегодска убежал. Его поймали и снова в Сольвычегодск водворили. Но на Соловки не сослали. Полагаю, что зря;

Владимир АРИНН.